

\* \* \* В журналѣ «Театръ и Искусство» г. Еремѣевъ сообщаетъ нѣкоторые еще не издавшіе свѣта материалы для біографіи Н. В. Гоголя, именно—подробныя свѣдѣнія о попыткѣ его поступить на сцену, извлеченныя изъ записокъ Н. Мундта, который былъ въ тридцатыхъ годахъ секретаремъ при директорѣ Императорскихъ театровъ князь С. С. Гагаринѣ. По словамъ Н. Мундта, когда ему доложили о приходѣ просителя (дѣло происходило въ 1831 г.), молодого человѣка, весьма непривлекательной наружности, съ подвязанной чернымъ платкомъ щекой и въ костюмѣ, хотя приличномъ, но далеко не изящномъ, Н. Мундтъ попросилъ Гоголя присѣсть и обождать.

Будущій «великій юмористъ» сѣлъ у окна, облокотился на него рукою и сталъ смотрѣть на Неву. Онъ часто морщился, прикладывая другую руку къ щекѣ.

— У васъ, кажется, зубъ болитъ?—спросилъ Н. Мундтъ. Не хотите-ли одеколону?

— Благодарю, это пройдетъ и такъ,—отвѣчалъ Гоголь.

Помолчавъ съ полчаса, онъ спросилъ:

— А скоро ли я могу видѣть князя?

На это Н. Мундтъ отвѣтилъ, что князь еще одѣвается, но что онъ долженъ скоро выйти.

Гоголь замолчалъ и сталъ опять глядѣть на Неву, барабана пальцами по стеклу. Вышелъ чиновникъ Крутицкій. Н. Мундтъ попросилъ его узнать, одѣлся ли князь. Черезъ минуту директору доложили о приходѣ какого-то Гоголя-Яновскаго. Князь Гагаринъ приказалъ привести просителя къ себѣ. Н. Мундтъ ввелъ Гоголя въ кабинетъ къ директору.

— Что вамъ угодно?—спросилъ его князь.

Надо при этомъ замѣтить, что князь Гагаринъ—человѣкъ въ высшей степени добрый, благородный и пріятливый, имѣлъ наружность довольно строгую и даже суровую, и тому, кто не зналъ его близко, внушалъ всегда какую-то необъяснимую робость. По всей вѣроятности такое же впечатлѣніе произвелъ онъ и на Гоголя, который, вертя въ рукахъ шляпу, запинаясь отвѣчалъ:

— Я желалъ бы поступить на сцену и просить ваше сіятельство о принятіи меня въ число актеровъ русской труппы.

— Ваша фамилія?

— Гоголь-Яновскій.

— Изъ какого званія?

— Дворянинъ.

— Что же побуждаетъ васъ идти на сцену? Какъ дворянинъ, вы могли бы служить.

Между тѣмъ Гоголь имѣлъ время оправиться и отвѣчалъ уже не съ прежнею робостью.

— Я человѣкъ не богатый: служба врядъ ли можетъ обезпечить меня. Мнѣ кажется, что для нея я и не годусь. Къ тому же я очень люблю театръ и чувствую призваніе къ сценѣ.

— Играли ли вы когда-нибудь?

— Никогда, ваше сіятельство.

— Не думайте, что актеромъ можетъ быть всякій; для этого нуженъ талантъ,—отчеканивая каждое слово, сказалъ князь.

— Можетъ-быть во мнѣ и есть какой-нибудь талантъ.—тихо отвѣчалъ Гоголь.

— Посмотримъ! На какое же амшлуа вы думаете поступить?

— Я и самъ этого хорошенъко не знаю, но полагалъ бы на драматическія роли.

Князь окинулъ Гоголя глазами и съ усмѣшкой сказалъ:

— Ну, господинъ Гоголь, я думаю, что для васъ была бы приличнѣе комедія. Впрочемъ какъ знаете—это ужъ ваше дѣло.

Потомъ, обращаясь къ Н. Мундту, директоръ сказалъ:

— Дайте господину Гоголю записку къ Александру Ивановичу, чтобы онъ испыталъ его и доложилъ мнѣ.

А. И. Храповицкій, къ которому Н. Мундтъ направилъ Гоголя, испытаніе назначилъ въ Большомъ театрѣ утромъ въ репетиціонное время.

Тамъ Гоголя заставили читать монологи изъ «Дмитрія Донскаго» и «Гоголи и Андромахи», въ переводѣ графа Хвостова. Гоголь читалъ просто, безъ всякой декламации; но такъ какъ это чтеніе происходило въ присутствіи многихъ артистовъ и такъ какъ Гоголь, не зная на память ни одной тирады, читалъ по тетрадкѣ, то весьма естественно, что онъ сильно робѣлъ, а потому читалъ робко, вяло и съ безпрестанными остановками. Такое чтеніе, разумѣется, не понравилось и не могло понравиться Храповицкому, истому поклоннику всякихъ завываній и «драматической икоты». Онъ все время морщился, дѣлалъ нетерпѣливыя жесты и, не давъ Гоголю кончить монологъ Ореста изъ «Андромахи», съ которымъ Гоголь не могъ сладить, вѣроятно потому, что не постигалъ всей прелести стиховъ Хвостова, предложилъ ему прочитать сцену изъ комедіи «Школа стариковъ». Но и тутъ Храповицкій остался недоволенъ чтеніемъ окончательно растерявшаго Гоголя.

Результатомъ этого испытанія было то, что Храповицкій запискою донесъ кн. Гагарину, что на испытаніи Гоголь-Яновскій «оказался совершенно неспособнымъ не только въ трагедіи или драмѣ, но даже въ комедіи; что онъ, не имѣя никакого понятія о декламации, даже и по тетради читалъ очень плохо и не твердо; что фигура Гоголя совершенно неприлична для сцены, а въ особенности для трагедіи; что онъ не признаетъ въ немъ рѣшительно никакихъ способностей для театра, и что если его сіятельству будетъ угодно оказать Гоголю милость принятіемъ его на службу къ театру, то его можно было бы употребить развѣ только на выходъ». Прошло послѣ этого нѣсколько дней, но Гоголь не явился за отвѣтомъ: онъ вѣроятно и самъ чувствовалъ неуспѣхъ своего испытанія. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Спустя нѣсколько лѣтъ Гоголь написалъ своего знаменитаго «Ревизора» и читалъ эту безсмертную комедію артисту И. И. Сосницкому, который съ восторгомъ отзывался о пьесѣ. Храповицкій, услыхавъ похвалы «Ревизору», спросилъ:

— Какой это Гоголь? Ужъ не тотъ ли, который хотѣлъ быть актеромъ? Хороша же должна быть его пьеса!—съ ироніей восклицалъ Храповицкій.

Каково же было удивленіе бѣднаго Александра Ивановича, когда «Ревизоръ», поставленный вскорѣ потомъ на сцену, имѣлъ шумный успѣхъ и вызвалъ лестныя отзывы всей критики, и когда въ авторѣ комедіи онъ узналъ того самого Гоголя, котораго забраковалъ и прочилъ развѣ въ выходныя актеры.

Храповицкій былъ сильно недоволенъ и пробовалъ оправдаться, утверждая, что Гоголь ни къ чему неспособенъ и что изъ него вышелъ бы скверный актеръ. Да вотъ.—говорилъ Храповицкій,—и въ самомъ «Ревизорѣ» есть гадости, напримѣръ гдѣ говорится о монументахъ и о поднятіи рубашенки... Ну, на что это похоже, сами посудите...

Лавра Адамъ  
W 8766

1902